

История и теория политики

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-5-11

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЛИТИКИ: КОНЦЕПЦИЯ Ф. А. СТЕПУНА

А. А. Гиринский

Гиринский Александр Андреевич, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва. E-mail: agirinskiy@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9334-431X).

Аннотация

Представлен анализ политико-философских взглядов русского философа и социолога Ф. А. Степуна. Кратко обозначены его взгляды на природу «политического» и основные принципы построения политики в эпоху идеократий и торжества «секулярных утопий». Основой для исследования является статья Степуна «Христианство и политика» (1933), где он провозглашает основные принципы своей политической доктрины. Степун полагает, что реальность западного модерна, в силу своего «отпадения» от христианских основ культуры, сталкивается с угрозой «сакрализации» политического, превращения политики в инструмент радикального исправления человека и улучшения человеческой жизни на секулярных основаниях. Степун полагает данное воззрение опасным, так как оно приводит к увеличению насилия и появлению радикальных утопических идеологий. Взамен Степун предлагает возвращение к принципам «политического реализма», который, с его точки зрения, может быть обоснован и легитимирован только через признание истинности христианской антропологии, в основе которой лежит идея «первородного греха». В исследовании представлена точка зрения, что идея Степуна является органичным продолжением и развитием основной линии русской политической философии, основной задачей которой была «консервативная легитимация» западного проекта модерна, призванная найти необходимые философские инструменты для реабилитации христианских основ культуры в мире «современности».

Ключевые слова: христианство; политическая теология; секуляризация; русская философия; политика; утопия.

Введение

Творчество Ф. А. Степуна является одним из ярких и самодостаточных проявлений русской философии. В своих работах мыслитель последовательно развивает классические для русской философской традиции темы, органично наследует основные способы постановки вопросов и наиболее значимые критические инструменты, обращенные к критике западной философии, связанные с ослаблением влияния на западную интеллектуальную традицию христианства.

В данной работе мы будем исходить из теоретического допущения, что русская философия является актуальной и оригинальной формой критики доминирующей в западном проекте модерна линии, связанной с «критическим» наследием эпохи Просвещения. Русская философская традиция, в момент своего рождения испытывавшая значимое влияние национального романтизма, с самого начала встает к данному явлению в своеобразную интеллектуальную оппозицию. Однако было бы ошибкой полагать, что русская философия является формой отрицания модерна. Основная задача русской философии заключалась в выработке «компенсаторных» (в терминах Г. Люббе и О. Маркварда) интеллектуальных инструментов, призванных «ослабить» наиболее радикальные эмансипаторные стратегии модерна, легитимировать общество модерна через обращение к христианству и религиозно-консервативным корням западной культуры, тем самым способствуя гармонизации общественных отношений и культурных форм (Люббе, 2016; Марквард, 2003). Отдельно необходимо отметить: «со-

временность» принимается русской философией как факт, как неизбежная и «неотменяемая» социальная реальность, задача состоит в таком смысловом наполнении этой реальности, в котором христианская антропология, христианское видение человеческих отношений, истории и политики могли бы сохраняться как «законные» элементы культуры. Данный интеллектуальный проект можно было бы назвать «консервативным модерном» (Межуев, Ремизов, 2021).

Творчество Ф. А. Степуна является одним из наиболее ярких примеров реализации данной интеллектуальной стратегии. В своих работах философ, хорошо знакомый на академическом уровне как с русской, так и с европейской интеллектуальными традициями, причудливым образом соединяет «точность» европейских философских акцентов с традициями русской литературы, философии, литературной критики. Читать Степуна легко, при этом видимая «легкость» не является «поверхностной», в его работах перед нами раскрывается панорама сложных исторических и социальных событий XX в., участником и свидетелем которых он был. Описательность повествования гармонично сочетается с точностью философского и социологического анализа событий. Историк русской философии О. А. Жукова отмечает: «Обладающий даром писателя-стилиста, Степун понял свою задачу быть свидетелем и комментатором эпохи, создавая канон культурной истории России первой половины XX в. для будущих поколений. Каждый акт интерпретации исторических, политических или духовно-культурных явлений, в единстве художественной и философской точки зрения, создавал в его мемуарах целостный “текст” русской культуры». (Жукова, 2018: 257).

Россия и западный секуляризм

Один из наиболее интересных и оригинальных сюжетов философии Степуна – обоснование возможности «консервативного» прочтения модерна. В его работах данная проблема реализуется через конструирование интеллектуальных ходов и интерпретаций, позволяющих увидеть, как возможно сохранение «современности» и возможность в ней подлинно христианской политики. Степун убежден, что без сохранения христианского дискурса западная политика рискует оказаться в тисках «секулярных утопий», которые он предпочитает называть идеократиями. Все идеологии XX в. (либерализм, социализм, фашизм) являются опасными социальными конструктами, так как основаны на представлении о политике как исключительно секулярном, «человеческом» деле. При этом конечные цели политической деятельности «сакрализуются», «божественное», «святое» подменяется «человеческим», что способствует радикализации в выборе политических средств и инструментов, девальвирует те ценности, которые когда-то были заложены европейской культурой в основу проекта Просвещения. Возможно ли сочетание основных просвещенческих принципов с христианским модусом восприятия частной и общественной жизни?

Именно на этот фундаментальный вопрос пытается ответить Степун в своих работах. Более того, именно в решении этого вопроса автор видит призвание России: «Идея и миссия России заключается в том, чтобы стоять на страже религиозно-реальной идеи и всюду и везде, где только можно, вести борьбу против ее идеологических искажений» (Степун, 2010а: 424). Степун полагает, что западная культура, несмотря на развитость интеллектуальной жизни, склонна к «идеологизации» реальности, к ее догматическому упрощению. Во многом это обратная сторона именно доминирования рационально-философского, «интеллектуализирующего дискурса», установившегося на Западе еще в Новое время, а возможно и ранее, еще в эпоху схоластики.

Русская же культура, с точки зрения Степуна, изначально находившаяся по отношению к западному проекту модерна в позиции критика и внешнего наблюдателя, имела возможность сохранить «религиозную», духовную дистанцию по отношению к наиболее радикальным сторонам рационально-философского дискурса. Степун отмечает: «Чем дольше живешь в Европе и чем глубже проникаешь в ее культуру, тем яснее становится, быть может, единственное преимущество русского человека: его первичность и настоящность». (Степун, 2010а: 425). И далее: «Вся культура Запада – культура обратного пути: не первичного восхождения идеи к жизни, а вторичного нисхождения идеологии к жизни. Этим стилем западноевропейской культуры, связанным, быть может, с ее зрелостью и древностью, и объясняется некоторая ненастоящность высококачественной западноевропейской души...» (Степун, 2010а: 425).

Степун отмечает, что, несмотря на то, что Россия заражена большевизмом, после освобождения от него, в чем мыслитель не сомневался, она должна будет способствовать восстановлению общеевропейского христианского движения. Задача России – используя трагический опыт «изживания» радикальной модернистской утопии большевизма, заново обратить внимание Запада на важность и

значимость сохранения общих, христианских основ европейской культуры. Степун настаивает, что выход из ситуации может состоять только в «углублении христианской памяти европейской культуры, в творческом оживлении ее христианских корней. На этих путях Россия, попавшая в такой страшный тупик безбожной выдумки и отвлеченного идеологизма, и может, и должна еще сказать свое слово» (Степун, 2010а: 426–427). Таким образом, после освобождения России от большевизма страшный опыт попытки реализации утопии будет, как ни странно, главным преимуществом России. Однако для преодоления опыта необходима не только политическая трансформация режима, но и интеллектуальное осмысление случившегося.

Конечно, полагает Степун, недостаточно лишь провозгласить лозунг «христианизации» западного модерна, необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать, на каких принципах и через какие механизмы возможно это обновление. Данную задачу Степун пытается решить в статье «Христианство и политика» (1933), где ставит своей целью показать, какой может быть политическая позиция христианина в мире модерна, какими ценностями она может быть конституирована, какого рода политике она должна служить, какие ценности должны быть ее проводниками.

Христианская политика и идея первородного греха

Степун начинает свое повествование с краткого рассказа о том, в каких институциональных отношениях с государством исторически находились различные христианские конфессии. Однако Степун полагает, что никакие исторически обусловленные различия в этих отношениях не дают нам никаких оснований для того, чтобы сделать вывод о том, какой должна быть христианская политика. Это невозможно потому, что в основе «христианской политики» заложено трагическое противоречие: ведь как возможно участие христианина в деятельности, которое ставит своей целью восприятие людей как врагов? В данном случае Степун ссылается на знаменитую концепцию «политического» Карла Шмитта (Шмитт, 2016а; Шмитт, 2016b), отдавая ей дань уважения. Степун полагает, что Шмитт абсолютно верно «разгадал основной закон политической жизни», однако, не будучи христианским мыслителем, отказался сделать последний шаг. Шаг этот заключается в исключительном признании политики как «греховного дела», смысл и сущность которого состоят в борьбе и, более того, в крайнем случае, уничтожении противника.

Однако не означает ли это, что христианин по определению должен быть аполитичен? Степун полагает, что в этом заключается антиномичность христианского отношения к политике. Высокомерное отрицание важности политической жизни, подчеркивание «грешности» данной деятельности является всего лишь грехом гордыни. Христианин не имеет права отречься от политики, но и не имеет права оправдывать те действия, которые приходится совершать для достижения политических целей. Степун отмечает: «Много грехов разрушают мир, но нет более разрушительного греха, как грех неверия в грех, то есть грех убежденности в своей праведности» (Степун, 2010b: 403).

Главной проблемой политики в секулярном обществе Степун считает исчезновение представления о первородном грехе и изначальной испорченности человеческой природы. В основе христианской же политики лежит именно представление о неизбежности зла, так как избавление от него в «посюстороннем» мире невозможно. Именно «забвение» принципа первородной греховности человека, с точки зрения Степуна, лежит в основе современных «секулярных утопий», представлений о политике как средстве избавления от земных бед и невзгод. Следствием этого является имплицитная «сакрализация» политического. По Степуну, отрицание первородного греха – основа современной секулярной «политической теологии» (Соловьев, 2022; Яркеев, 2022).

Забвение этой важнейшей христианской догмы является одной из негативных черт современного секуляризма. Большевизм, с точки зрения Степуна, в этом отношении воплощает наиболее радикальные тенденции этого просвещенческого мировоззрения. Вместо идеи первородного греха большевики предлагают концепцию «классовой ответственности», в которой человек виноват не тем, что он грешное существо (что одновременно роднит его со всеми остальными людьми и способствует осознанию общей ответственности), а тем, что принадлежит к определенной социальной группе. Так, отмечает Степун, «просвещенчески-атеистический гуманизм возвращается к своим религиозным истокам и отравляет их явным сатанизмом» (Степун, 2010b: 404). Логические и политические следствия такой идеи просты: для избавления человечества от зла необходима радикальная социальная трансформация, а вина человека вместо метафизически-религиозной становится политически конкретной. Именно это и обуславливает репрессивный, человеконенавистнический характер большевистского режима.

В христианстве идея первородного греха служит прямо противоположной задаче: идее объединения человечества на почве понимания и осознания собственной слабости, ограниченности. Христиане – это, в первую очередь, люди, объединенные ощущением собственной неизбежной виновности и греховности, а стало быть, необходимостью заботы о ближнем, которая напрямую вытекает из этого принципа. Степун фиксирует это различие точной формулой: «...в то время как христианин в осознании своего греха обретает свое бытие, большевик в сознании своей праведности лишает других жизни» (Степун, 2010b: 404).

Стоит отметить, что диалектика понимания зла и его природы является одним из основных сюжетов русской философии. На это обращает внимание философ и литературовед В. К. Кантор: «Одной из центральных проблем русской мысли прошлого и начала нынешнего веков была проблема влияния среды: виновато ли общество в зле человеческих отношений, как, скажем, полагал Руссо, или зло коренится в самом человеке» (Кантор, 2012: 293). В. К. Кантор отмечает, что в XX в. западная мысль оказалась бессильной перед лицом наступающего зла, которое искусно притворялось тем, что призвано это зло победить, но на деле творило зло гораздо большее. Именно русская философия в этой ситуации оказалась той интеллектуальной традицией, которая диагностировала кризис и его причины наиболее ясно и отчетливо. Во многом это было связано с тем, что победа большевизма наиболее ясно обозначила те проблемы, которые на Западе тогда еще не воспринимались со всей серьезностью. В. К. Кантор отмечает: «Россия переживала этот опыт вместе с европейскими странами, не будучи страной изолированной. В ней в силу ряда обстоятельств сошлись все противоречия европейского развития, усугубленные собственной историей» (Кантор, 2012: 301).

Однако вернемся к рассуждениям Степуна. Если от зла в политике в силу ее антагонистической основы невозможно избавиться, что необходимо делать христианину? Степун утверждает: выход может быть только в том, чтобы не дать совершить это зло тем, кто не считает его таковым, кто забыл о собственной греховности и кто считает зло исторически необходимым путем для достижения всеобщего добра и справедливости, то есть реализации «секулярной утопии». «Все нормы христианской политики сводятся таким образом к заботе о том, чтобы по возможности все зло, которое действительно неизбежно в политической сфере, творилось бы христианскими руками и бралось бы христианами на свою ответственность и совесть, то есть превращалось бы из бесчеловечного зла в человеческий грех» (Степун, 2010b: 407).

Таким образом, главная проблема секулярной политики не в том, что она творит зло, а в том, что она отказывается называть его злом, предпочитая оправдывать совершаемые действия благими целями, достижимыми в «посюсторонней» реальности. Главная моральная дилемма политического секуляризма, стало быть, состоит именно в отрицании греха как метафизической и моральной константы человеческого бытия и основы христианской антропологии. Христианская политика, в таком понимании, призвана не избавить политику от зла, это невозможно, а вернуть в политику христианское осознание зла как человеческого греха, который является трагической основой человеческого бытия.

Степун верит, что возвращение в политику такого понимания радикально изменит перспективы реализации «секулярных утопий», вернет человечество к реализации принципов «христианского реализма», консервативному прочтению западного модерна, в котором политика не является средством радикального улучшения человеческой жизни. Иными словами, радикально сократит экспансию политического во все новые сферы жизни и, соответственно, превращение социальной реальности в постоянную борьбу «всех против всех». Степун отмечает: «... мир может “замириться” только в том случае, если защитники идей XIX в. – свободы, равенства, права, прогресса, разума – осознают свое поражение как следствие ими же самими совершенного предательства той христианской истины, из которой выросли все их отдельные верования...» (Степун, 2010b: 419).

Утопия и свойственная ей радикальная политика опасны именно своим отрицанием неизбежной природы зла в человеке и надеждой на то, что избавление от него является посильным человеческим делом, проектом, направленным на радикальное «пересотворение» человека. В. К. Кантор отмечает: «Дело в том, что попытка построить новый, идеальный мир наталкивается на реальное препятствие – существующий нынешний, по мнению утопистов, несовершенный мир. Утопия, переведенная из мечты в практику, наталкивается на необходимость “расчистить место”, чтобы построить “новый мир”, а для этого необходимо уничтожить полностью мир прежний...» (Кантор, 2012: 305).

Христианская политика и политический реализм

В последней части статьи Степун отмечает, что идея «христианской политики» органично встроена в русскую философскую традицию. Русская философия, с его точки зрения, никогда не сторила социальных и политических вопросов, более того, придавала им большее значение, чем вопросам онтологии или гносеологии. «Религиозность» русской философии часто превращалась именно в обоснование того, как может быть устроена современная политика, если в ее основе будут лежать христианские ценности и смыслы. Степун отмечает: «Достоевский приходит к православию через социализм и ссылку. Толстой к своему анархо-православию – через православие и Евангелие. Соловьев десять лет своей недолгой творческой жизни отдает публицистической борьбе, все время откладывая разработку богословских и метафизических задач...» (Степун, 2010b: 411).

При этом необходимо отметить, что русская философия так и не создала никакой целостной политической, партийной программы, и в этом Степун видит закономерность. Христианская политика не может быть «партийной», так как в таком случае она бы неизбежно превращалась в «идеологию». Однако именно борьба против идеологизации и является смыслом «христианской политики». «В этом безразличии и даже во враждебности к программности кроется главная целительная сила христианской политики, ее полная несовместимость с тем духом доктринаризма и утопизма, который губит современную общественно-политическую жизнь» (Степун, 2010b: 413).

Степун прямо говорит о том, что «христианская политика» может быть политикой «реализма», в которой любая идеологическая составляющая является вторичной по отношению к главным христианским принципам. Решение того, какой строй или политический режим лучше, какая экономическая система эффективнее, для христианина должно зависеть только от того, что в данной «конкретной» ситуации лучше. Необходимо учитывать историко-культурную специфику ситуации и то, насколько воплощение той или иной политической формы может способствовать раскрытию христианского идеала общественности, естественно, никогда полностью недостижимого (Загирняк, 2015).

Стоит отметить, что интерпретация «христианской политики» в духе «политического реализма» является достаточно популярной темой в исследованиях истории и теории международных отношений. Здесь стоит вспомнить теорию протестантского богослова Р. Нибура (Niebuhr, 1933), который считается одним из главных, наряду с Г. Моргентау, теоретиков реализма в международных отношениях (Morgenthau, 1948). В то же время важен тот факт, что Р. Нибур, так же как и Степун, исходит из первичности идеи первородного греха в качестве построения своей своеобразной христианской антропологии и, как следствие, обоснования реализма. Сравнение теорий Степуна и Нибура может быть интересным направлением в дальнейших исследованиях политического реализма.

Выводы

В данном исследовании был осуществлен анализ основных идей и позиций, которые обуславливают отношение Ф. А. Степуна к сфере «политического». В целом соглашаясь с позицией К. Шмитта о том, что «политическое» описывается через дихотомию «друг – враг» и не может избавить от этого сущностного антагонизма, русский мыслитель полагает, что христианская политика должна заключаться в последовательном воплощении принципов политического реализма.

Основная ценность политического реализма заключается, с нашей точки зрения, в «консервативном» прочтении основ западного модерна и связанного с ним политического проекта, основанного на принципе «сакрализации» политики, который является обратной стороной секуляризации культуры. Восстановление баланса, с точки зрения Степуна, способного уберечь западную цивилизацию от «сползания» в постоянную борьбу политических утопий и эмансипаторных политических проектов, возможно только через восстановление христианского модуса восприятия человека, основ христианской антропологии, ключевой идеей которой является идея «первородного греха».

Рассмотрение русской политической философии в качестве целостного интеллектуального проекта, легитимирующего основные принципы политического реализма, с нашей точки зрения, является перспективным направлением дальнейших теоретических историко-философских и политологических исследований в данной области.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Список литературы / References

- Жукова, О. А. (2018) 'Россия и Революция: философия и социология русской культуры Ф. А. Степуна', *Социологическое обозрение*, 17(2), сс. 242–261. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-242-261. [Zhukova, O. A. (2018) 'Russia and Revolution: Philosophy and Sociology of Russian Culture F.A. Stepuna' [Rossiya i Revolyuciya: filosofiya i sociologiya russkoj kul'tury] F.A. Stepuna], *Sociologicheskoe obozrenie*, 17(2), pp. 242–261. (In Russ.).]
- Загирняк, М. Ю. (2015) 'Социальное христианство в философии истории Ф. А. Степуна', *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 6, сс. 36–46. [Zagirnyak, M. Yu. (2015) 'Social Christianity in the Philosophy of History F. A. Stepun' [Social'noe christianstvo v filosofii istorii F.A. Stepuna], *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 6, pp. 36–46. (In Russ.).]
- Кантор, В. К. (2012) 'Принцип «христианского реализма», или Против утопического своеволия («Свет во тьме» – духовное завещание С. Л. Франка)', в: *Семен Людвигович Франк / под общ. ред.: В. Н. Порус*. Москва, РОССПЭН, сс. 287–314. [Kantor, V. K. (2012) 'The principle of 'Christian realism', or Against utopian willfulness ('Light in the Darkness' – S. L. Frank's spiritual testament)' [Princip «christianskogo realizma», ili Protiv utopicheskogo svoevolija («Svet vo t'me» – duchovnoe zaveshhanie S.L. Franka)] in: *Semen Lyudvigovich Frank / pod obshh. red.: V. N. Porus*. Moscow, ROSSPEN, pp. 287–314. (In Russ.).]
- Люббе, Г. (2016) *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем*. Москва.: Издательский дом Высшей школы экономики, 456 с. [Lyubbe, G. (2016) *Keep up with the times. Shortened stay in the present* [V nogu so vremenem. Sokrashhennoe prebyvanie v nastoyashhem]. Moscow: Izdatel'skij dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki, 456 p. (In Russ.).]
- Марквард, О. (2003) 'Эпоха чуждости миру', *Отечественные записки*, 6 [электронное издание]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.html> (дата обращения: 13.04.2023).
- [Markvard, O. (2003) 'The era of foreignness to the world' [Epoha chuzhdosti miru], *Otechestvenny'e zapiski*, 6. [online]. Available at: URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.html> (Accessed: 13.04.2023) (In Russ.).]
- Межуев, Б. В., Ремизов, М. А. (2021) 'Консерватизм и вызов для интеллектуального класса. Викторианский проект для России', *Тетради по консерватизму*, 4, сс. 36–46. [Mezhuev, B. V., Remizov, M. A. (2021) 'Conservatism and a challenge for the intellectual class. Victorian project for Russia' [Konservativizm i vy'zov dlya intellektual'nogo klassa. Viktorianskij proekt dlya Rossii], *Tetradi po konservativizmu*, 4, pp. 36–46. (In Russ.).]
- Соловьев, А. П. (2022) 'Секулярное как политическая теология в русской религиозной философии первой половины XX века', *Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. Религиоведение*, Вып. 101, сс. 57–81. [Solov'ev, A. P. (2022) 'Secular as Political Theology in Russian Religious Philosophy in the First Half of the 20th Century' [Sekulyarnoe kak politicheskaya teologiya v russkoj religioznoj filosofii pervoj poloviny' XX veka], *Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, Vyp. 101, pp. 57–81. (In Russ.).]
- Степун, Ф. А. (2010) 'Идея России и форма ее раскрытия', в: Степун, Ф. А. (2010) *Избранное*. Москва: Российская политическая энциклопедия, сс. 423–433. [Stepun, F. A. (2010) 'The idea of Russia and the form of its disclosure' [Ideya Rossii i forma ee raskry'tiya], in: Stepun, F. A. (2010) *Izbrannoe*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, pp. 423–433. (In Russ.).]
- Степун, Ф. А. (2010) 'Христианство и политика', в: Степун, Ф. А. (2010) *Избранное*. Москва: Российская политическая энциклопедия, сс. 388–422. [Stepun, F. A. (2010) 'Christianity and Politics' [Christianstvo i politika], in: Stepun, F. A. (2010) *Izbrannoe*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, pp. 388–422. (In Russ.).]
- Шмитт, К. (2016) 'Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете', в: Шмитт, К. *Понятие политического*.

- Санкт-Петербург: Наука, сс. 5–59. [Shmitt, K. (2016) 'Political Theology. Four chapters on the doctrine of reign-ty' [Politicheskaya teologiya. Chety're glavy` k ucheniyu o suverenitete] in: Shmitt, K. *Ponyatie politicheskogo*. SPb: Nauka, pp. 5–59. (In Russ.)].
- ШМИТТ, К. (2016) *Понятие политического*. Санкт-Петербург: Наука, 568 с. [Shmitt, K. (2016) *The concept of the political* [Ponyatie politicheskogo]. SPb: Nauka, 568 p. (In Russ.)].
- Яркеев, А. В. (2022) 'Политическая теология: генезис концепта', *Вестник Пермского университета. Политология*, 16(2), сс. 5–13. [Yarkeev, A. V. (2022) 'Political theology: the genesis of the concept' [Politicheskaya teologiya: genezis koncepta], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 16 (2), pp. 5–13. (In Russ.)].
- Morgenthau, H. (1948) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. NY: Alfred A. Knopf.
- Niebuhr, R. (1933) *Moral Man and Immoral Society*. NY: Charles Scribner's Sons.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2023

Статья принята к печати: 21.06.2023

POLITICAL REALISM AS THE EMBODIMENT OF CHRISTIAN POLITICS: THE CONCEPT OF F.A. STEPUN

A. A. Girinsky

A. A. Girinsky, PhD in Philosophy, Junior Research Fellow, International Laboratory for Research on Russian-European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.
E-mail: agirinskiy@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9334-431X).

Abstract

This article analyzes the political and philosophical views of the Russian philosopher and sociologist F.A. Stepun. The study briefly outlines his views on the nature of politics, as well as the basic principles of building it in the era of ideocracies and the triumph of "secular utopias". Stepun's article "Christianity and Politics" (1933), where he proclaims the basic principles of his political doctrine, forms the basis for this study. Stepun argues that Western modernity, due to its abandonment of Christian cultural foundations, is at risk of "sacralization" of the political, turning politics into a tool for radical correction of human life on secular grounds. Stepun believes this view is dangerous, as it leads to an increase in violence and the emergence of radical utopian ideologies. Instead, Stepun proposes a return to the principles of "political realism". The study presents the point of view that Stepun's idea is an organic continuation and development of the main line of Russian political philosophy. Its main objective used to be the "conservative legitimization" of the Western project of modernity, designed to find the necessary philosophical tools for the rehabilitation of the Christian foundations of culture in the world of "modernity".

Keywords: Christianity; political theology; secularization; Russian philosophy; politics; utopia.

Acknowledgments: The article was prepared as part of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.